

*Д. А. Воронов***Домашний арест как мера безопасности: состояние и перспективы развития***D. A. Voronov***House Imprisonment as a Security Measure: State and Development**

Рассматривается мера пресечения в виде домашнего ареста, анализируются последние изменения его нормативной регламентации, дается оценка принудительному потенциалу домашнего ареста с позиций возможности его применения как меры безопасности участников уголовного процесса.

Ключевые слова: домашний арест, мера пресечения, мера безопасности, государственная защита участников уголовного процесса.

DOI 10.14258/izvasu(2013)2.2-18

Современное состояние государственной защиты участников уголовного процесса отличается стабильным расширением практики применения мер безопасности [1, с. 4–5]. Принимая это во внимание, ученые делают вывод, что «с учетом прогнозируемого роста нагрузки эффективное обеспечение мер безопасности представляется сомнительным» [2, с. 65–67]. На наш взгляд, положение усугубляется тем, что для защиты используется в основном метод ограждения участников процесса, в то время как Конституция РФ (ст. 2, 45, 55) и Уголовно-процессуальный кодекс РФ (ст. 11, 97, 111; далее — УПК РФ) позволяют задействовать в этих целях меры принуждения в отношении угрозыносителя.

Исследование мер уголовно-процессуального принуждения показало, что их нормативная регламентация в контексте обеспечения безопасности находится в недостаточно развитом состоянии, она явно не адекватна складывающимся ситуациям и не учитывает всех форм и видов посткриминального воздействия. Анализируя домашний арест в первоначальной редакции как средство обеспечения безопасности, мы отмечали, что его потенциал не имеет достаточно-го организационного и материального обеспечения [3, с. 62–62].

Актуальность исследования домашнего ареста как меры безопасности вызвана следующими обстоятельствами. Последние изменения в УПК РФ позволяют утверждать, что законодатель идет по пути усиления исключительности заключения под стражу как меры пресечения. Практика свидетельствует о наметившейся гуманизации мер уголовно-процессу-

The article deals with a preventive measure in the form of house arrest, analyzes recent changes in its normative regulation, estimates forced potential of house imprisonment from the perspective of its use as a security measure for participants in criminal proceedings.

Key words: house imprisonment, preventive measure, security measure, state protection of participants in criminal proceedings.

ального принуждения. В связи с этим получают развитие альтернативные меры пресечения, в том числе домашний арест.

Так, в конце 2011 г. ст. 107 УПК РФ была изложена в новой редакции, в феврале 2013 г. в ней появилась норма, касающаяся исчисления срока домашнего ареста, вскоре после этого Правительством России устанавливается порядок применения электронных средств контроля за исполнением домашнего ареста [4]. Все это вызывает необходимость провести ревизию прежних рассуждений и дать характеристику домашнему аресту как средству обеспечения безопасности с учетом действующего законодательства.

Правовой основой, устанавливающей основания для избрания мер пресечения в целях обеспечения безопасности, является п. 3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ, в соответствии с которым мера пресечения в указанных целях избирается «при наличии оснований полагать, что обвиняемый, подозреваемый... может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства».

Согласно позиции Европейского суда по правам человека, с учетом которой обязаны действовать наши суды, «жестокость наказания за совершенное преступление имеет значение при оценке риска того, что лицо скроется от правосудия... тяжесть совершенного преступления не может сама по себе служить основанием длительного срока содержания под стражей», на государстве «лежит обязанность установить и продемонстрировать наличие конкретных обстоятельств, превышающих по своему значению правило уважения свободы личности» [5, с. 53–68].

Интерпретируя данные установки применительно к обеспечению безопасности, можно сказать, что характеристика преступления или личности преступника может оправдать лишение свободы лишь на первоначальном этапе, когда возможность ненадлежащего поведения нельзя установить другими фактами. Далее требуется предоставить в суд сведения, подтверждающие высокую вероятность посткриминального воздействия на участников или их близких.

Установление указанного основания на практике редко сопровождается прямыми доказательствами уже оказанного давления или будущих угроз. Чаще это подтверждается косвенно, например, сведениями о том, что подозреваемому (обвиняемому) известны данные о личности потерпевшего (как правило, по делам об изнасиловании), свидетеля (по делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков). Так, в постановлениях о возбуждении перед судом ходатайства об избрании меры пресечения следователи указывали: «обвиняемой Б. известны полные анкетные данные главного свидетеля обвинения»¹, «обвиняемый Н. знаком со всеми участниками уголовного дела, имеющими сведения о его преступной деятельности, располагает их анкетными и адресными данными»²; «подозреваемый П. знаком с потерпевшим З.»³ и т.п. В некоторых случаях вывод о возможности оказания давления производился на основании того, что преследуемое лицо подозревается или обвиняется в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления⁴, имеет судимости⁵, является вспыльчивым и в состоянии душевного волнения не отдает отчет своим действиям⁶.

Принимая во внимание, что заключение под стражу может избираться только при невозможности применения менее строгой меры пресечения, полагаем, что сведения, подобные тем, которые указаны выше, вряд ли окажутся достаточными для принятия судом решения о применении самой строгой меры пресечения. Обозначенная тенденция укрепления исключительности заключения под стражу вкупе с проблема-

ми доказывания необходимости ее избрания на фоне развития альтернативных мер пресечения позволяет сделать вывод о том, что домашний арест — это перспективная мера пресечения, в том числе в деле государственной защиты участников уголовного процесса.

Для того чтобы дать оценку принудительному потенциалу домашнего ареста, используемого в целях обеспечения безопасности, необходимо установить какие именно ограничения в рамках его применения могут позволить предупредить или пресечь воздействие на участников уголовного процесса.

Согласно ч. 1 ст. 107 УПК РФ домашний арест заключается в нахождении подозреваемого или обвиняемого в полной либо частичной изоляции от общества в жилом помещении, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях, с возложением ограничений и (или) запретов и осуществлением за ним контроля. С учетом состояния здоровья подозреваемого или обвиняемого местом его содержания под домашним арестом может быть определено лечебное учреждение.

При этом суд при избрании домашнего ареста в качестве меры пресечения может запретить и (или) ограничить право обвиняемого (подозреваемого) на: 1) выход за пределы жилого помещения, в котором он проживает; 2) общение с определенными лицами; 3) отправку и получение почтово-телеграфных отправлений; 4) использование средств связи и информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Обвиняемый (подозреваемый) может быть подвергнут всем указанным запретам и (или) ограничениям либо некоторым из них.

Для целей обеспечения безопасности подходят все из указанных запретов и ограничений. По сути, их можно разделить на две разновидности: 1) ограничение права покидать жилище; 2) ограничение права на коммуникацию. Остановимся на них подробнее.

Ограничение права покидать жилище, безусловно, действенная мера. Фактически это тюрьма на дому. Таким образом лицо, в отношении которого избран домашний арест, лишается возможности физически воздействовать на участников уголовного процесса и осуществлять с ними встречи непосредственно, не нарушая при этом меру пресечения.

Очевидно, что отсутствие возможности выйти из дома для оказания давления на подлежащих защите лиц может быть компенсировано посредством использования средств связи в самом широком смысле. Телефон, компьютер с возможностью выхода в Интернет — все это может быть использовано для сообщения угрозы потерпевшему или иному участнику, а также для поручения этих действий другим лицам. Поэтому, если домашний арест применяется как мера безопасности, необходимо в обязательном порядке применять все предусмотренные запреты и ограничения в совокупности. Исключением

¹ Материал о рассмотрении ходатайства о продлении срока содержания под стражей №3/1–574/07 // Архив Центрального районного суда г. Барнаула.

² Материал о рассмотрении ходатайства о продлении срока содержания под стражей №3/1–552/07 // Архив Центрального районного суда г. Барнаула.

³ Материал о рассмотрении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу №3/1–573/07 // Архив Центрального районного суда г. Барнаула.

⁴ Материал о рассмотрении ходатайства о продлении срока содержания под стражей №3/1–578/07 // Архив Центрального районного суда г. Барнаула.

⁵ Материал о рассмотрении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу №3/1–580/07 // Архив Центрального районного суда г. Барнаула.

⁶ Материал о рассмотрении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу №3/1–561/07 // Архив Центрального районного суда г. Барнаула.

будут случаи, когда у подозреваемого (обвиняемого) нет указанных средств связи. Отсутствие же средств связи у защищаемых лиц не исключает потребности в рассматриваемых запретах, так как сохраняется риск использования этих средств для организации посягательств.

Исходя из смысла ч. 8 ст. 107 УПК РФ, ограничение права на коммуникацию с использованием средств связи или непосредственно возможно самостоятельно, т. е. без запрета или ограничения права покидать жилище. Однако легальная дефиниция домашнего ареста, закрепленная ч. 1 ст. 107 УПК РФ, не предполагает этого, так как «домашний арест в качестве меры пресечения заключается в нахождении подозреваемого или обвиняемого в полной либо частичной изоляции от общества в жилом помещении».

Запреты, не связанные с ограничением права покидать жилище, должны быть факультативными, а не применяться на равных с ядром домашнего ареста — запретом выходить из определенного помещения, или даже в отрыве от него. Если же запреты и ограничения на коммуникацию достаточны для решения стоящих перед мерами пресечения задач, то не следует именовать их домашним арестом и применять к ним правила, разработанные для него. Полагаем, такие запреты можно предусмотреть в ст. 102 УПК РФ в рамках подписки о надлежащем поведении, отбираемой по решению суда. Другой выход, представляющийся наиболее предпочтительным, — ввести в УПК РФ новую меру принуждения — «запрет или ограничение определенных действий», применяемую по решению суда. Данную меру можно было бы назвать мерой пресечения и расположить, исходя из ее строгости, перед залогом. Однако, заглядывая вперед и учитывая зарубежную практику применения так называемых «запретительных приказов» [6], полагаем более целесообразным было бы включить такую меру в главу 14 УПК РФ. Тогда мы получим возможность применять ее не только к преследуемым лицам, но и в отношении иных участников уголовного процесса, что весьма значимо для обеспечения безопасности широкого круга лиц, в том числе и обвиняемых (подозреваемых).

В настоящий же момент суть домашнего ареста, правильно изложенная в ч. 1 ст. 107 УПК РФ, размывается нормами, позволяющими применять данную меру без собственно домашнего ареста. Учитывая последние изменения в ст. 107 УПК РФ, устанавливающие, что срок домашнего ареста включается в срок заключения под стражу, представляется нерациональным с позиции органов предварительного следствия использовать ограничения права на коммуникацию самостоятельно. Игра не стоит свеч! Гарантии надлежащего поведения от таких ограничений не столь убедительны (особенно в контексте обеспечения безопасности), а возможность обеспечения надлежаще-

го поведения путем лишения свободы обвиняемого до суда уже ускользает. В этой ситуации можно порекомендовать правоприменителю использовать залог. По крайней мере, его исполнение обеспечено угрозой имущественных потерь, и в то же время он не умаляет возможности применения более строгих мер в будущем.

Плодотворность использования домашнего ареста, в том числе в целях обеспечения безопасности, зависит не только от того, какие действия можно запретить, а права ограничить, но и от того, насколько можно гарантировать соблюдение таких лишений обвиняемым (подозреваемым).

Постановление Правительства РФ от 18.02.2013 № 134 устанавливает порядок использования электронных средств контроля за исполнением домашнего ареста [4]. Предложенные к использованию аудиовизуальные и технические приспособления выполняют следующие функции: 1) фиксацию нарушения меры пресечения и передачу информации об этом контролирующему органу; 2) фиксацию повреждения или снятия устройства и сообщение об этом контролирующему органу; 3) идентификацию и отслеживание местонахождения лица. Таким образом, соблюдение запретов и ограничений домашнего ареста не исключается техническими средствами контроля, как это иногда бывает в фантастических фильмах (шоковое болевое воздействие при нарушении). Если при залоге человек рискует имуществом и опасается возможного изменения меры пресечения на более строгую, то при нарушении правил домашнего ареста ему сулит лишь последнее.

Сказанное не означает негодности домашнего ареста. Во-первых, сигнал о нарушении меры пресечения в случае оперативного реагирования на него с высокой вероятностью должен привести к нейтрализации противоправного поведения обвиняемого (подозреваемого). Во-вторых, применение залога ставится в зависимость от ряда условий, в том числе от имущественного положения залогодателя, что не позволяет применить его в ряде случаев. При этом говорить о том, что залог эффективнее, нельзя, так как контроль за поведением обвиняемого (подозреваемого) производится не столь оперативно.

Увеличение гарантий надлежащего поведения путем «назначения стражи на дом» представляется нецелесообразным. Как указывал профессор Б. Б. Булатов, это «связано со значительными материальными и организационными издержками и вряд ли оправдано, поскольку для содержания подозреваемого или обвиняемого под стражей существуют специальные учреждения» [7, с. 97]. Исключение может быть сделано для случаев, когда имеются веские основания для заключения под стражу, но закон этого не позволяет ввиду несовершеннолетия лица или наличия у него определенной болезни.

Домашний арест в современной редакции представляется нам действенной мерой безопасности только в случае, если он заключается в полной изоляции преследуемого лица от общества в жилом помещении с осуществлением за ним контроля. Все остальные ограничения могут сопровождать домашний арест

и должны прекращаться вместе с его отменой. Развитие практики применения ограничений в рамках домашнего ареста, на наш взгляд, должно привести к появлению новой меры уголовно-процессуального принуждения, предусматривающей различного рода ограничения, не связанные с запретом покидать жилище.

Библиографический список

1. О результатах работы подразделений государственной защиты МВД России за период 2009–2011 гг. и первое полугодие 2012 г. : информационно-справочные материалы // Материалы Всероссийского семинара-совещания «Вопросы совершенствования деятельности по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите» (17–18 октября 2012 г.). — Омск, 2012.

2. Лозовицкая Г. П. Проблемы превенции преступности против участников уголовного судопроизводства // Проблемы государственной защиты участников уголовного судопроизводства : материалы межведомственной научно-практической конференции (Москва, 27 сентября 2012 г.) / под общ. ред. С. И. Гирько и А. В. Лебедева. — М., 2013.

3. Воронов Д. А. Меры уголовно-процессуального принуждения как средства обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства : монография / под науч. ред. д-ра юрид. наук, проф. Б. Б. Булатова. — Барнаул, 2010.

4. О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением им наложенных судом запретов и (или) ограничений : Постановление Правительства РФ от 18.02.2013 № 134 // Собрание законодательства РФ. — 2013. — № 8. — Ст. 838.

5. Постановление Европейского суда по правам человека от 7 апреля 2005 г. «Дело Рохлина (Rokhlina) против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. — 2006. — № 6.

6. Суд запретил Мелу Гибсону приближаться к Григорьевой // Деловая газета «Взгляд»: электронное периодическое издание. — 2010. — 26 июня [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.vz.ru/news/2010/6/26/413595.html>.

7. Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : монография. — Омск, 2003.